ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 340.1

Китай: исторические традиции, цивилизация и современная правовая система

Ольга Валерьевна Фролова[1]✉, Владислав Владимирович Фролов[2]
[1]Военная орденов Жукова и Ленина Краснознаменная академия связи имени Маршала Советского Союза С.М. Буденного, Санкт-Петербург, Россия
[2]Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, Санкт-Петербург, Россия
[1]olga.val.frolova@mail.ru✉, SPIN-код: 8140-0806
[2]VVF.1970@yandex.ru, SPIN-код: 6620-7880

Аннотация. Рассматривается китайская цивилизация и правовая система на современном этапе развития. По своей сути марксистская идеология гибко пересмотрена политическими лидерами Китая. Теперь она соединяется с конфуцианскими идеями, реалиями рыночной экономики, творческим симбиозом в китайской экономике различных форм собственности и хозяйствования. Националистические устремления, соединенные с коммунистическими идеалами правящей партии Китая, исторический опыт гражданской войны и противостояния различных политических сил обусловили желание сплотиться воедино ради построения сильного и процветающего китайского государства и общества. Они породили мечту о «Великом Китае». Авторы предлагают изучить китайский опыт в экономической и научных сферах, по противодействию преступности и обеспечению законности. В Китайской Народной Республике умеют добиваться эффективного сочетания воздействия на общественные отношения уголовно-правовых санкций и социально-культурных норм. Следует осуществлять постоянный геополитический мониторинг китайской цивилизации, нашего великого южного соседа.

Ключевые слова: Китай, мораль, конфуцианство, легизм, наказание, смертная казнь, право, политика, экономика, общество, традиции, менталитет

Для цитирования: Фролова О.В., Фролов В.В. Китай: исторические традиции, цивилизация и современная правовая система // Правда и закон. 2025. № 3(33). С. 115–128.

© Фролова О.В., Фролов В.В., 2025

China: historical traditions, civilization and modern legal system

Olga V. Frolova[1]✉, Vladislav V. Frolov[2]
[1]Military Orders of Zhukov and Lenin Red Banner Academy of Communications named after Marshal of the Soviet Union S.M. Budyonny, St. Petersburg, Russia
[2]SK RF SPb Academy, St. Petersburg, Russia
[1]olga.val.frolova@mail.ru✉, SPIN: 8140-0806
[2]VVF.1970@yandex.ru, SPIN: 6620-7880

Abstract. Examines the Chinese civilization and their legal system at the present stage of development. At its core, Marxist ideology has been flexibly revised by China's political leaders. And now it connects with Confucian ideas, the realities of a market economy, and the creative symbiosis of various forms of ownership and management in the Chinese economy. Nationalist aspirations combined with the communist ideals of the ruling Party of China, the historical experience of the civil war and the confrontation of various political forces led to the desire to unite together for the sake of building a strong and prosperous Chinese state and society. They gave rise to the dream of «Greater China». We need to study Chinese experience in the economic and scientific fields, in combating crime and ensuring the rule of law. In the People's Republic of China, they are able to achieve an effective combination of the impact of criminal law sanctions and socio-cultural norms on public relations. Constant geopolitical monitoring of the Chinese civilization, our great southern neighbor, should be carried out.

Keywords: China, morality, Confucianism, legalism, punishment, death penalty, law, politics, economics, society, traditions, mentality

For citation: Frolova O.V., Frolov V.V. China: historical traditions, civilization and modern legal system // Truth and law. 2025. № 3(33). P. 115–128.

Каждая локальная цивилизация как комплекс своеобразных исторических, ментальных, религиозных, экономических, политико-правовых (и множества иных) явлений уникальна. Правовая система (причем во взаимосвязи с государством и правовой культурой конкретного общества) у каждой цивилизации по своему неповторима. Поэтому попытка подойти с общей классификационной меркой к цивилизации и правовой системе Китая (равно как и к любой другой локальной цивилизации) обречена на провал.

Родина многих полезных изобретений (бумаги и книгопечатания, шелка, пороха и компаса…) – «срединное или центральное государство» (самоназвание Китая – «Чжунго») в настоящее время переживает период экономического и культурного подъема.

В Китае насчитывается от 56 до 100 различных этносов – наибольшая из которых китайцы-ханьцы (91 % населения). В современном китайском обществе сильно различаются религиозные воззрения: представлено как атеистическое направление (62 % населения – влияние коммунистической идеологии), так и традиционные воззрения: даосизм, буддизм и конфуцианство. Также насчитывается 50 млн католиков.

Традиционные групповые моральные представления китайцев подвержены определенным изменениям в зависимости от исторических этапов общественного развития. Они образуют определенный «скелет», основу социальной структуры норм поведения человека в обществе.

В китайском обществе конфуцианские идеи человеколюбия и уважения к старшим («Ли»), почтение к историческим традициям и патриотизм гармонично сочетаются с угрозой жесткого (если не жестокого) уголовного наказания, системой немногих, четких и понятных кодифицированных законов центральной государственной власти (право обозначается как «Фа»), дополненных разветвленной

системой нормативных правовых актов местной власти, учитывающих особенности конкретного региона.

В общую социальную систему нормативных установок (непричинения зла, добра в помыслах и поступках, успокоения в природе, уважения к старшим и знающим…) государство пытается органично воплотить нормативные положения закона – «Фа».

О взаимодействии социальных норм в китайском обществе: «Ли (ритуал), Жень (человечность), И (справедливость), Фа (закон) и Разум или Дао (путь), имеющий у конфуцианцев сложную метафизическую сущность как высший принцип, регулирующий движение жизни, который проявляется в крупных ритмических циклах мироздания, все это – конфуцианские и неоконфуцианские понятия, относящиеся к порядку, справедливости и праву… Право, основанное на представлениях о порядке, иерархии, гуманизме и справедливости, проникнуто структурализмом в той мере, в какой сами эти понятия находят в структурализме свою основу и применение» [1].

Нужно понимать, что любой структурализм социальных норм относителен и подвержен историческим социально-экономическим трансформациям. Также культура Китая, как и культура России подвергается попыткам «западной» вестернизации.

Вместе с тем роль и значение права в Китае традиционно рассматривают в сугубо прагматическом значении инструмента, подчиненного общественным целям более высокого, морального уровня.

«Право рассматривается китайцами не как система норм, выраженная в законах и других нормативных правовых актах (нормативное понимание права), а как форма общественного сознания, выражающаяся в представлениях о том, что морально, а что нет (естественно-правовая концепция). Лицо может совершать только такие действия, которые отвечают принципам морали. В разные периоды развития китайской государственности мораль была даосской, буддистской, конфуцианской, социалистической. Но она всегда задавала вектор правовой эволюции. Нарушение «фа» воспринимается в традиционной китайской философии как посягательство на существующий во Вселенной порядок, разрушающий небесную гармонию» [2].

Китайская мудрость гласит: «Разумный человек не торопится. Долгая дорога начинается с первого шага». Не случайно занятия каллиграфией (по сути отражающее культуру, внутреннее спокойствие и художественное мышление мастера) всегда очень ценились в восточных культурах. Сейчас в Китае осторожно проверяется и постепенно внедряется система социального рейтинга, основанного на возможностях интеллектуальных технологий. Она и призвана гарантировать социальный порядок в сложных запутанных взаимоотношениях внутри огромных китайских мегаполисов.

Само китайское право воплощает ярко выраженные черты романо-германской правовой семьи [3], где основным источником и формой права является нормативный правовой акт. Фундаментальным способом систематизации норм китайского права выступает кодификация.

«Ведущим источником права в правовой системе КНР является нормативный правовой акт (законы и подзаконные акты). Среди источников права КНР, можно выделить: Конституцию КНР; законы, принимаемые Всекитайским собранием народных представителей и Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей; административные постановления, решения и распоряжения Государственного совета; постановления Правительства КНР; местные подзаконные акты и решения органов государственной власти провинций, автономных районов и городов центрального подчинения… К числу источников права КНР можно отнести правовой обычай и локальные (корпоративные) подзаконные нормативные акты» [4].

Законодатели в Китае понимают, что нельзя социально необоснованно увеличивать количество законов. «Кризис перепроизводства» нормативных правовых

актов, свойственный для российского государства, наш своего рода правовой романтизм, связанный с верой во всесилие закона, китайскому социуму и восточным государственным «мужам» совершенно не присущ.

Китайские государственные деятели осознают ограниченность юридических инструментов для управления обществом и делают акцент на ключевые отрасли права. Приоритет для них: уголовное, гражданское, конституционное право.

«На всем протяжении китайской истории уголовное право являлось ядром правовой системы страны, а уголовная ответственность – стержнем всего института юридической ответственности. Благодаря жесткой системе наказаний удается сдерживать полуторамиллиардное население в рамках действующих правовых предписаний» [5].

Китайское государство стремится использовать институт смертной казни как для наказания преступников, так и для достижения воспитательно-профилактического эффекта.

Приведем следующее мнение: «Законодательство Китая не предусматривает возможности для приговоренных к смертной казни просить о помиловании. В 2013–2014 гг. здесь было казнено больше людей, чем во всем мире. Большое количество смертных приговоров вынесено за растрату, контрафакцию, взятки и другие экономические преступления, а также за преступления, связанные с наркотиками. Нередко родственники узнавали о казни в день исполнения приговора» [6].

Пример из судебной практики: «Согласно уголовно-процессуальным доказательствам Чжан Бо завел роман с Е Чэнчэнь, после чего развелся со своей женой. Е Чэнчэнь считала детей своего партнера «препятствием для женитьбы с Чжаном Бо и ненужным грузом для их будущей совместной жизни». Обвинение полагало, что Е Чэнчэнь постоянно пыталась склонить своего партнера к убийству.

В результате 2 ноября 2020 г. Чжан Бо со своей подругой выбросил детей (двухлетнюю девочку и годовалого мальчика) из окна своей квартиры, находившейся на 15-м этаже. Пара попыталась представить их гибель как несчастный случай.

Виновные были приговорены к смертной казни. Е Чэнчэнь и Чжан Бо были казнены в г. Чунцин. Каким именно способом был приведен в исполнение смертный приговор, не сообщается. В Китае применяются как смертельные инъекции, так и расстрел»[1].

Суровое наказание имеет справедливый характер и психологически успокаивает общество: преступники наказаны, а зло уничтожено.

По уголовному законодательству Китая возможна отсрочка исполнения приговора в отношении осужденных к смертной казни на два года с последующей заменой данного вида наказания.

Уголовный кодекс Китайской Народной Республики[2] (УК КНР) отличается простотой понимания и достаточно высоким уровнем юридической техники. Он соответствует новым вызовам для общества и государства, динамично развивающимся общественным отношениям. В нем детально проработаны составы преступлений, посягающих на собственность, экономику страны. Наряду с физическим лицом, по ряду составов субъектом уголовной ответственности может выступать и юридическое лицо (в частности по ст. 120.1 «Оказание финансовой помощи террористической деятельности»). В рамках юридической конструкции ст. 19 УК КНР предлагается снизить уголовное наказание или вообще освободить от него такого субъекта как глухонемого или слепого.

[1] Сайт musavat.ru. Сообщение от 5 февр. 2024 г. URL: https://musavat.ru/ru/mobile/news/v-kitae-kaznili-paru-vybrosivshuyu-maloletnih-detej-s-15-go-etazha-foto_1041873.html (дата обращения: 10.03.2025).

[2] Уголовный кодекс Китайской Народной Республики (принят на 5-й сессии Всекитайского собрания народных представителей шестого созыва 14 марта 1997 г.). URL: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zfhz/zgflyd/201601/t20160111_3149373.htm (дата обращения: 10.02.2025).

Что интересно: ст. 54 УК КНР предусматривает в качестве санкции дополнительного вида наказания – «лишение политических прав, которое предусматривает отнятие:

1) права избирать и права быть избранным;

2) права публично выступать, публиковаться, участвовать в собраниях, путешествовать, демонстрировать свободу прав;

3) права занимать должности в государственных органах;

4) права занимать руководящие должности в государственных компаниях, предприятиях, организациях, народных коллективах»[3].

Китайское руководство не оглядывается на мнение западных либералов и представителей международных СМИ. Думается, что в России следовало бы предусмотреть в уголовном законодательстве следующую санкцию: субъект, совершивший акт терроризма или коррупционное преступление и осужденный за него, должен автоматически подвергаться дополнительному наказанию – пожизненно лишаться права занимать должности на государственной службе.

Интересно, что в китайской цивилизационной реальности люди, не имеющие официальных постов, обладают таким нравственным и политическим авторитетом, что определяют содержание и направленность государственно-правовых реформ, отдают указания государственным служащим, находящимся на высших должностях.

Так, сам генеральный секретарь Коммунистической партии Китая (КПК) Чжао Цзыян в свое время «поплатился за то, что в беседе с М. Горбачевым раскрыл государственную тайну, сказав, что все решения в стране принимает товарищ Дэн Сяопин» и был помещен под домашний арест с последующим разбирательством» [7].

В китайском историческом пантеоне находится место и для Конфуция, и для Мао Цзедуна.

Историческая преемственность сохраняется несмотря на определенные гигантские противоречия в идейных установках и тем более в государственной практике их реализации. Китайцы не хотят стыдиться своего прошлого и признавать собственные политические просчеты и перегибы. Из числа последних можно вспомнить: «культурную» революцию и террор хунвейбинов, компанию по массовому уничтожению воробьев, авантюрные нападки на Советский Союз и Вьетнам…

В современном китайском общественном сознании и правовой системе воплощаются уравнительные идеи марксистской идеологии (имеющие под собой опору в виде идеи общественной справедливости) и рыночной экономики (поддерживающей частную инициативу и желание разбогатеть). Наличие частной собственности, класса собственников – буржуа, многомиллиардных частных корпораций совмещается с элементами государственного планирования и фактически сложившейся политической диктатурой коммунистической партии.

«Главное, чтобы кошка ловила мышей, и неважно, какого она цвета», – заявлял идеолог китайских рыночных реформ Дэн Сяопин.

Китайское правосознание очень сильно отличается от европейского.

С точки зрения обычных китайцев, «право не нужно тому, кто соблюдает нормы конфуцианской морали, а несоблюдающий «ли» является безнравственным человеком и достоин всеобщего порицания. Западному человеку может показаться странным, но именно это убеждение играет не последнюю роль в правосознании современного китайца, для которого само обращение в суд является чем-то постыдным. Ведь это говорит о том, что конфликтная ситуация возникла, потому что были нарушены «ли». Поэтому чаще всего жители Поднебесной ищут компромиссные, внесудебные формы разрешения конфликтов и крайне редко обращаются в судебные инстанции» [8].

Не случайно в Китае хорошо развит институт социального посредничества. С его помощью каждый год разрешаются миллионы споров. Институт медиации позволяет китайцам «сохранить лицо» (китайцы обычно очень заботятся о своей

[3] Там же.

репутации и публичном уважении), не признавая своей вины и своих ошибок, сэкономить время и деньги, избежать длительных судебных процедур и прийти к взаимоприемлемому компромиссу.

«Особенно популярны в КНР следующие виды медиации: трудовые споры, семейные конфликты, споры в здравоохранении, уголовные конфликты до средней тяжести, гражданско-правовые» [9].

В Китае, особенно в сельской местности, традиционно силен социальный контроль над поведением человека со стороны общественных институтов.

«Китайцы не прибегают к грубой и варварской системе регулирования, каковой они традиционно считают право. Их примирение – это внеправовое поведение, основанное на утонченных, многооттеночных этических нормах. В основе примирения лежит… «куань» – великодушие, которое сопровождает все стороны жизни китайского общества. Следовательно, примирение основывается на великодушии и уступчивости. Эти категории далеки от правовых норм, но являются истиной для китайца…» [10].

Социальный портрет китайцев будет выглядеть следующим образом. «Мудрый человек не суетится при принятии жизненно важных решений. Для него важны ритуалы и традиции. Поэтому китайским руководителям и предпринимателям при разработке стратегических решений свойственна медлительность. Китайцы приветливо улыбаются, даже без искренней симпатии. Могут опаздывать на деловые встречи. Для них неприлично все время смотреть в упор в глаза собеседнику. Документы на подпись китайцы подают двумя руками в знак уважения. Нежелательно использовать красные чернила при подписании документов. Красными чернилами подписывают смертные приговоры и эпитафии на могилах. Показывая свое радушие, китайцы готовят еду при госте: ведь ему предоставляется самая свежая и вкусная еда» [11].

Семейное право Китая модифицируется: больше внимания стало уделяться борьбе с семейным домашним насилием (под ним понимаются побои, связывание, ограничение личной свободы, регулярная брань…). Государство пытается снизить количество разводов, затрудняя процедуру расторжения брака, внедряя и развивая семейную медиацию. Закон КНР «О браке» предусматривает свободу заключения брачного союза, единобрачие и равноправие мужчины и женщины, запрет двоеженства и двоемужества, браков по сговору и браков-покупок, с целью получения имущественных ценностей.

Интересен институт «военного брака» (распространяется не только на военнослужащих, но и на полицейских, независимо от должности), при котором свобода расторжения брака гражданским лицом существенно ограничена (только при грубом нарушении семейных прав военнослужащим – двоебрачие или сожительство с третьим лицом, семейное насилие, пристрастие к азартным играм…). Адюльтер гражданского лица в таком «военном браке» является уголовным преступлением. Санкция за него – до трех лет лишения свободы (ст. 259 УК КНР).

Раскрывая особенности китайского общества, надо сказать о таком явлении, как система взаимоотношений «гуаньси», отражающая определенный социальный капитал неформальных связей (семейных, земляков-выходцев из одного района или одной деревни, иногда даже просто однофамильцев, приравниваемых к родственникам…).

С их помощью организуется бизнес и создаются юридические лица, собирается начальный финансовый капитал, оплачивается образование, предоставляется работа, выбирается недвижимость для покупки или аренды… Причем обязательства должника могут быть реализованы его благодетелем (в западном узком понимании – кредитором) в неопределенном будущем. И потребовать от должника могут совсем не обязательно денежный эквивалент, а исполнения ответных социальных услуг.

Многие вопросы «китайцы решают через контакты и связи, которые устанавливаются с родственниками, друзьями и партнерами…. Для гуаньси значимы

не только личная привязанность, уважение, симпатия или общие воспоминания, но обоюдные обязательства участников взаимоотношений… Китайский сотрудник будет демонстрировать глубокую почтительность по отношению к начальнику, заботясь о сохранении его «лица», в случае необходимости он задержится на работе и не будет обременять себя подсчетами денег за сверхурочные часы, поскольку знает, что его поощрят. Необязательно сразу, возможно, когда будут определять размер новогоднего вознаграждения по итогам года, которое руководитель традиционно вручает своим сотрудникам в красных конвертах. А руководитель спокойно отнесется к раннему уходу своего подчиненного с работы или к пропуску им пары рабочих дней по семейным обстоятельствам» [12].

Такой социальный уклад в определенной мере способствует и такому негативному явлению как коррупции.

Борьба с коррупцией в Китае, помимо достижения основной цели карательного возмездия по отношению к преступникам, имеет своей задачей и оказание своеобразного воспитательного воздействия на субъектов, занимающих высокие государственные посты.

«Правящий чиновник – благородный муж являлся патриотом, который верой и правдой служил своему правителю. Такое определение коррелирует с представлениями о правильном чиновнике,… ведь при распутстве чиновничества и бюрократии все достижения общества средней зажиточности нивелируются. Развернутая антикоррупционная кампания, которая своей целью также имеет «очистку» вертикали власти от неблагонадежных и порочащих государство служащих, лишь подтверждает эту древнюю теоретическую установку. Сюда можно отнести и реформу, связанную с экзаменами на государственную службу» [13].

Значимые китайские пословицы о народе и правителе: «Государь, что лодка, а народ – как вода: может нести, может и утопить»; «Протекает наверху, а знают об этом те, кто внизу»[4].

Любая государственная политика хороша, пока она соответствует народным желаниям. Для стабильности государства опасен социальный раскол, слишком большая разница в доходах и уровне жизни населения в разных регионах страны. Нужно сказать, что население Пекина и Шанхая, приморских городов Китая, живет на гораздо более высоком уровне, чем население провинциальных (относительно) городов и основной массы сельского населения. Причем в китайском поляризованном обществе с огромным предложением спектра товаров и услуг стали понимать и ценить «деньги и капитал как ценность», что приводит к подрыву традиционных и коммунистических социальных ценностей.

А «высокие государственные мужи», по замыслу Конфуция и коммунистических лидеров, должны подавать хороший нравственный пример простому народу.

Государство в целях обеспечения законности деятельности своих представителей должно вырабатывать систему взаимного контроля. В рамках европейской правовой культуры подобный подход является частью концепции правового государства. Но в китайской традиции контроль приобретает внутренний, закрытый, преимущественно аппаратный и внутрипартийный характер. Здесь фактически отрицаются такие важные составляющие конструкта «правового государства», как либерализм, конституционно защищенный индивидуализм, верховенство прав человека, открытое и справедливое правосудие для всех.

Китайские государственные руководители стремятся наказывать тех чиновников, кто ворует и демонстрирует неподобающую роскошь. Поощряют тех, кто ведет себя правильно и верно служит Отечеству.

Визитная карточка государства, один из признаков его суверенитета – наградная система. В наградах отражается идея служения Отечеству, сплетается прошлое, настоящее и будущее страны.

[4] Китайские пословицы и поговорки. URL: https://dzen.ru/a/ZoqG678ACxEjwYAi (дата обращения: 12.03.2025).

«Орден Республики – высшая награда КНР. Награждаются только граждане КНР – гражданские и военные лица за огромный вклад и выдающиеся достижения в деле строительства социализма с китайской спецификой и защиты Родины. Орден Республики выполнен в красных и желтых тонах. На нагрудном знаке изображен герб КНР и Красная звезда. Символы Ордена представляют реки Хуанхэ и Янцзы, горные вершины и любимый цветок Китая – пион. Орден носят с цепью, звеньями которой являются орнамент в виде китайского узла, жуи (алмазного жезла) и орхидеи» [14].

Китай пытается везде внедрить свои духовные ценности и рекламировать свои идеи: от мастеров боевых искусств (Шаолинь…) и мультфильмов (о большой, неуклюжей и симпатичной китайской панде, которая смогла изменить себя – а значит изменить мир вокруг себя) до гармонии понимания вселенной (учения китайских философов) и полезной гимнастики (Цигун…).

«Мягкая сила» Китая проявляется и в создании по всему миру обществ любителей Конфуция, телеканалов, вещающих на шести языках, вещании радиостанций, и продвижении своего интернет-контента, «Тик-Тока», организации у себя спортивных состязаний самого высокого уровня и ранга.

Обоснованно высказывается мнение о том, что: «Правящая элита Китая может выбирать определенный инструмент управления. Причем «ли», как любая традиционная норма обращена в прошлое. Сила воздействия Конфуция на сознание китайцев в том, что он описал уже сложившиеся к тому времени традиции, правила, ритуалы, которым подсознательно или сознательно следовало подавляющее большинство населения… его рассуждения о добродетельной жизни оказали обратное мощное влияние на всю китайскую культуру. Закон обращен в будущее. Это способ изменения, реформирования, наконец, это разрыв с традициями, с закостеневшим прошлым… Европейский либеральный индивидуализм никогда не найдет себе места в конфуцианской культуре» [15].

То, что хорошо для Китая, не всегда хорошо для чужаков.

«Нарушение норм права иногда может быть признано допустимым, моральным и заслуживающим одобрение. Так, обман иностранного бизнесмена в целях извлечения выгоды при нарушении условий гражданско-правовой сделки хотя и будет противоречить действующему гражданскому законодательству, но в лице окружающих китайцев будет свидетельствовать о ловкости и уме недобросовестного китайского бизнесмена, который «обвел вокруг пальца» лаовая (иностранца). То же касается и исполнения договорных обязательств, в том числе международного характера. То, что становится не выгодным сейчас, автоматически теряет в глазах китайца юридическую силу, несмотря ни на какие юридические основания» [16].

Китайцы помогают своим и пренебрежительно относятся к иностранцам. Как на личностном уровне, так и на уровне государственных и общественных институтов. И такой прагматичный китайский подход надо четко уяснить всем заинтересованным внешним партнерам. Они никогда не станут для китайцев своими. Китайское государство и китайские бизнесмены никогда никому не простят долговые обязательства. Равно как и американцы или европейцы.

«Для КНР характерно принятие норм, которые внешне отвечают требованиям международного сообщества, но на практике носят декларативный характер. Документы Коммунистической партии Китая обладают высокой юридической силой и приоритетом над актами международного права, что объясняется нацеленностью Китая на достижение в первую очередь национальных интересов без обращения внимания на международные требования. Это подтверждает известное в западном мире судебное дело между французской компанией «Danone» и «Wahaha» – китайским лидером на рынке молочной продукции. В 1996 г. между ними было заключено соглашение о сотрудничестве. Однако после создания китайской компанией ряда предприятий, производящих по французским рецептам молочную продукцию с использованием их ноу-хау, «Данон» начал стремительно терять китайский рынок. Французская компания заявила иск в китайский арбитражный суд г. Ханчжоу,

который вынес несправедливое решение в пользу китайской компании. В 2009 г. французы уступили 51 % доли в совместных предприятиях и конфликт был завершен» [17].

По своей сути марксистская идеология гибко пересмотрена политическими лидерами Китая. И теперь она соединяется с рыночной экономикой, успешным сотрудничеством (ради китайской выгоды) с самыми различными странами, творческим симбиозом в китайской экономике различных форм собственности и хозяйствования. Политика изоляции («бамбуковый занавес») никогда не дает эффективных результатов, «вкусных плодов».

Националистические устремления, соединенные с коммунистическими идеалами правящей партии Китая, исторический опыт гражданской войны и противостояния различных политических сил, породили мечту о «Великом Китае», обусловили желание сплотиться воедино ради построения сильного и процветающего китайского государства и общества.

«Китайская мечта является основной идеологией руководства КНР, способной превратить страну в могущественное государство, воплотить в жизнь идею построения «гармоничного общества» и «гармоничного мира». Эффективным методом, приближающим Китай к «китайской мечте», является восприятие западных достижений путем комбинирования форм капитализма и социализма, свободного рынка и государственного регулирования, торгового доминирования и идеологической ориентации, осуществление модернизации с китайской спецификой» [18].

Мягкая «тигриная» сила Китая в настоящее время впечатляет многих независимых экспертов.

Надо признать: Китай добился многого.

Опорные «камни силы» великой китайской державы: мощная экономика и наличие стратегического ядерного оружия (только военный бюджет в 2025 г. стал насчитывать 1,78 трлн юаней или 245 млрд долл. в год (второй в мире после США – 850 млрд долл.). В 2013 г., когда председателем КНР стал Си Цзиньпин, траты страны на оборону составляли 720 млрд юаней. О новом военном бюджете было объявлено на 3-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 14-го созыва (высшем законодательным органом Китая)[5].

Успешно развивается эффективная и сильная экономика.

На Китай приходится около половины мирового производства стали, алюминия и цемента.

«ВВП Китая в 2024 г. вырос до 134,9 трлн юаней, впервые преодолев отметку в 130 трлн юаней и заняв второе место в мире. Вклад китайской экономики в мировой рынок составляет около 30 %, что делает Китай крупнейшей движущей силой мирового экономического роста»[6].

Китайские товары в большом объеме и ассортименте сегодня представлены в 150 странах мира.

«Многие китайцы считают мировые бренды символом национальной мощи, а наличие китайских марок на зарубежных рынках является проявлением растущего глобального влияния Китая. Основополагающими факторами брендов должны быть уважение к окружающей среде, справедливые условия труда, качество продукции и безопасность, что внесет весомый вклад в реализацию китайской мечты о возрождении китайской нации» [19].

Вместе с тем нужно констатировать, что качество китайских товаров, поставляемых на экспорт, значительно зависит от принципиальности требований того или иного государства (воплощенных в законах и в юридической практике, от меры

[5] Китай увеличит военный бюджет до $245 млрд в 2025 г. URL: https://rtvi.com/news/kitaj-uvelichit-voennyj-byudzhet-do-245-mlrd-v-2025-godu/ (дата обращения: 09.03.2025).

[6] Сайт finance.mail.ru. URL: https://finance.mail.ru/2025-01-30/dobitsya-celi-chto-zhdet-ekonomiku-kitaya-dalshe-64601653/ (дата обращения: 11.03.2025).

принципиальности местных чиновников и судей) и от степени терпимости и спроса в рамках того или иного общества. С теми, кто терпит и покупает некачественные товары китайские предприниматели не считаются и не уважают.

Даже внутри страны «в период с 2013 по 2022 г. в Китае более 62 тыс. человек были привлечены к уголовной ответственности за производство или продажу продуктов питания, не отвечающих стандартам безопасности, а также за производство или продажу ядовитых или вредных продуктов питания. По данным Верховного народного суда КНР и Верховной народной прокуратуры КНР, некоторым из них было предписано выплатить крупные штрафы в дополнение к тюремному заключению»[7].

Китайцы берут чужие технологии, заимствуют правовые нормы и юридические принципы, приспосабливают их под свой уклад, но они не изменяют себе, своей исторической сути. Свою культуру и традиции они бережно сохраняют, приспосабливая их сообразно «историческому ветру времени».

В китайском обществе традиционно пользуются уважением люди науки и искусства. Китайцы активно вкладываются в развитие науки, новые информационные технологии, производство автомобилей на новых источниках энергии. Китай с 2005 г. является мировым лидером по производству и экспорту электроники. Ведется поиск и разработка новых экологически «чистых» источников энергии.

Китай активно развивает экологически чистые и низкоуглеродные отрасли промышленности, создав крупнейшую в мире производственную цепочку в новой энергетике. Успешно развивается туризм.

В Китае находятся богатые залежи редкоземельных металлов.

Китайцы освоили космос и хотят участвовать в освоении Арктики и Северного Ледовитого океана.

Богатством Китая является и его огромное население: 1 млрд 400 млн только в самом Китае. Около 50 млн китайцев проживает за пределами страны. Миллионные китайские диаспоры, цивилизационные форпосты, сохраняющие свой родной язык и культуру, тесные экономические и культурные связи с Родиной, находятся в самых разных странах мира. «Компактные общины китайцев (хуацяо) проживают в США, ЮАР, странах Юго-Восточной Азии, Филиппинах, Индонезии. Так, в Сингапуре они составляют 78 % от местного населения, в Малайзия – 24 %, в Таиланде – 14 %, в Брунее – 11,2 %…» [20].

«Хуацяо» буквально означает «китайский эмигрант», «эмигрант из Китая» (хуа – Китай, цяо – эмигрант, человек, проживающий вдали от родины). Еще их часто называют «заморские китайцы». В традиционном китайском сознании гражданство не имеет решающего значения, гораздо важнее происхождение предков: уже за то, что в Китае родился ваш прадед, вас будут считать китайцем… Китайцы воспринимают их как своих соотечественников, волей судьбы находящихся вдали от родины. Психологический феномен чайнатауна: там, где есть китайцы, есть и Китай. Возвращение китайца на родину, даже через несколько поколений, воспринимается как счастливое воссоединение с семьей. Одной из причин китайского экономического чуда называют инвестиции хуацяо, как правило, осуществляемые в регионы, выходцами из которых они являются, активно используя родственные связи»[8].

Вместе с тем в китайском обществе возникают и проблемы.

Индустриализация, бездумное потребление природных ресурсов, громадная урбанизация Пекинской и Шанхайской агломераций породили крайне неоднородное социально-экономическое развитие регионов. В качестве побочного эффекта

[7] Сайт russian.news.cn. URL: https://russian.news.cn/20231128/126b5eebf6874736a535d915e 31b991f/c.html (дата обращения: 11.03.2025).
[8] Сайт ruwiki.ru. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/ (дата обращения: 14.03.2025).

от строительства и деятельности многочисленных фабрик и заводов возникают экологические сложности. Массовый менталитет китайцев по отношению к природе пока жестко потребительский.

Происходит старение населения, государственная демографическая политика «одна семья – один ребенок» оказалась ошибочной. Снижается активность продаж на внутреннем рынке.

Складывается средний класс, понемногу осознающий свои политические интересы. В ближайшем будущем он неизбежно потребует своего участия в политическом управлении.

Большие доходы одних и нищета других разрушают патриархальный уклад общества и ставят под сомнение нормы конфуцианской и коммунистической морали.

Закрытость верхних «эшелонов власти», отсутствие прозрачных демократических процедур вызывает вопросы о порядке сменяемости чиновников (особенно высших), об установлении эффективного контроля за законностью их действий. Государственные служащие, живущие в роскоши явно не так, как позволяют их законные доходы, подрывают авторитет КПК.

Обогащение в рамках рыночной экономики, нарушение принципа социальной справедливости привело к «неизбежному расколу между социально-политической, идеологической и экономической платформами китайского государства, к потере общественным строем внутренней целостности, поддержание которой стало требовать постоянных ситуационных усилий и положило начало глубокой эволюции китайского государства… Актуальной стала задача оздоровить государство, поддержать авторитет власти в глазах населения и для этого лишить государственных чиновников и предпринимателей незаслуженных льгот и привилегий» [21].

На внешней арене перед Китаем стоит задача по преодолению противодействия США. Руководители американского государства не хотят делить преимущества (бонусы) от своего мирового лидерства и признавать Китай своим равноправным стратегическим партнером. Они вводят различные экономические и таможенные тарифы на китайские товары.

Проблема присоединения Тайваня остро воспринимается китайским обществом. Это ближайшая геополитическая задача. Но далеко не последняя. При этом возникает впечатление, что Китай (в лице его руководителей, осознающих гигантскую социальную силу за своей спиной) готов договариваться со всеми остальными странами (кроме США и то лишь в настоящем моменте) только с позиций жесткого доминирования и преобладания своих интересов, политических и экономических.

Китайцы помнят тысячелетнюю мудрость о стратегии развития общества: «Счастье следующего века строится в этот век».

Сформулируем выводы и рекомендации, полезные для руководителей российского государства и российского общества.

Нам нужно проводить постоянный геополитический анализ ситуации (мониторинг) в наиболее значимых цивилизациях, особенно имеющих общие с нами границы. Что делается в Китае, какие социальные, экономические и политические тенденции проявляются, какие конфликты возникают, как и кем принимаются важные государственно-правовые решения – вот далеко не полный перечень вечно злободневных вопросов.

Чтобы российской цивилизации оптимально выстраивать с китайским государством политические и экономические отношения, нужно обладать силой разума, экономики, культуры и оружия. Тогда с нами будут считаться. Слабые партнеры Китаю не нужны. Важно понимать, что руководство китайского государства думает исключительно о достижении своих геополитических целей.

Нам следует учиться у китайцев, как применять моральные категории и нормы (справедливость, великодушие, гуманность, уважение к старшим и забота о близких…) для воспитания молодежи, а также посмотреть на результаты китайского

эксперимента по внедрению социального рейтинга и проанализировать возможности его использования для ресоциализации преступников.

Нам необходимо брать с китайцев пример в сфере развития современной науки и всемерного повышения социального статуса людей в сфере науки и культуры, ученых и изобретателей, преподавателей высших учебных заведений и школьных учителей. Нужны серьезные инвестиции в российскую систему образования, в развитие российской науки, в создание отечественных инновационных технологий. Следует развивать нашу российскую «мягкую силу».

Список источников

1. Супатаев М.А. Право и модернизационные стратегии в Китае. Цивилизационное измерение // Северо-Кавказский юридический вестник. 2011. № 1. С. 7–15.

2. Трощинский П.В. К вопросу о традиционных взглядах на право в китайском обществе // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2016. № 3. С. 136–146.

3. Другов Я.А. Нормативный правовой акт как источник права в Китайской Народной Республике (Китае) // Вопросы современной юриспруденции. 2016. № 2. С. 127–136.

4. Барзилова И.С. Правовые системы Российской Федерации и Китайской Народной Республики: сравнительно-правовой анализ // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2023. № 4. С. 166–173.

5. Трощинский П.В. Борьба с преступностью в Китае: нормативно-правовой аспект // Журнал российского права. 2015. № 8. С. 47–58.

6. Вахрамеева Л.Н. Право человека на жизнь в законодательстве зарубежных стран // Сибирское юридическое обозрение. 2019. № 3. С. 266–269.

7. Денисов А. Новый опыт отношений // Историк. 2025. № 2. С. 40–45.

8. Ишкуватова Л.М. Место категорий «Ли» и «Фа» в правовом поле КНР // Социум и власть. 2016. № 5. С. 107–111.

9. Рақымұлы Айтолды. Медиация в Китайской Народной Республике // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2020. № 1. С. 368–372.

10. Сорокина Ю.В. Правовая система Китая // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 3. С. 55–66.

11. Руженцева Н.Б., Чжан Ифан. Специфика коммуникативного поведения китайцев: восприятие носителями российской лингвокультуры // Педагогическое образование в России. 2016. № 11. С. 89–95.

12. Луцькая Е.Е., Леонтьев С.В., Лю Вэй. Китайская система взаимоотношений «гуаньси» и ее влияние на деловую этику и организационное поведение // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 5. С. 282–295.

13. Грузинов И.И. Роль и место традиционной китайской идеологии в концепции «Китайской мечты» // Общество и государство в Китае. 2017. № 1. С. 565–574.

14. Лычагин А.И., Семенов И.А. К вопросу об учреждении государственной наградной системы Китайской Народной Республики // Modern oriental studies. 2022. № 4. С. 58–67.

15. Козлихин И.Ю. Китайская правовая традиция // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2016. № 3. С. 4–13.

16. Трощинский П.В. Влияние традиции на право современного Китая // Журнал российского права. 2014. № 8. С. 94–106.

17. Диденко Ю.Н., Мерзляков С.Э. Правовая система Китайской Народной Республики // Закон и право. 2019. № 7. С. 89–93.

18. Ван Вей. Некоторые вопросы социально-политического курса «китайская мечта о великом возрождении китайской нации» // Власть. 2018. № 7. С. 237–243.

19. Сухадольская Л.Л. Бренд с китайской спецификой как новая сила развития экономики КНР // Общество и государство в Китае. 2018. № 1. С. 332–339.

20. Анохина Е.С. Китайские диаспоры и «Новая» китайская миграция в странах Юго-Восточной Азии // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 361. С. 62–65.

21. Виноградов А.В. Внутриполитические вызовы Китаю в начале XXI века // Сравнительная политика. 2017. № 3. С. 131–144.

References

1. Supataev M.A. Pravo i modernizacionnye strategii v Kitae. Civilizacionnoe izmerenie // Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik. 2011. № 1. S. 7–15.

2. Troshchinskij P.V. K voprosu o tradicionnyh vzglyadah na pravo v kitajskom obshchestve // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina. 2016. № 3. S. 136–146.

3. Drugov Ya.A. Normativnyj pravovoj akt kak istochnik prava v Kitajskoj Narodnoj Respublike (Kitae) // Voprosy sovremennoj yurisprudencii. 2016. № 2. S. 127–136.

4. Barzilova I.S. Pravovye sistemy Rossijskoj Federacii i Kitajskoj Narodnoj Respubliki: sravnitel'no-pravovoj analiz // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina. 2023. № 4. S. 166–173.

5. Troshchinskij P.V. Bor'ba s prestupnost'yu v Kitae: normativno-pravovoj aspekt // Zhurnal rossijskogo prava. 2015. № 8. S. 47–58.

6. Vahrameeva L.N. Pravo cheloveka na zhizn' v zakonodatel'stve zarubezhnyh stran // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. 2019. № 3. S. 266–269.

7. Denisov A. Novyj opyt otnoshenij // Istorik. 2025. № 2. S. 40–45.

8. Ishkuvatova L.M. Mesto kategorij «Li» i «Fa» v pravovom pole KNR // Socium i vlast'. 2016. № 5. S. 107–111.

9. Rақymyly Ajtoldy. Mediaciya v Kitajskoj Narodnoj Respublike // Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii Respubliki Kazahstan. 2020. № 1. S. 368–372.

10. Sorokina Yu.V. Pravovaya sistema Kitaya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2023. № 3. S. 55–66.

11. Ruzhenceva N.B., Chzhan Ifan. Specifika kommunikativnogo povedeniya kitajcev: vospriyatie nositelyami rossijskoj lingvokul'tury // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2016. № 11. S. 89–95.

12. Luc'kaya E.E., Leont'ev S.V., Lyu Vej. Kitajskaya sistema vzaimootnoshenij «guan'si» i ee vliyanie na delovuyu etiku i organizacionnoe povedenie // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2017. № 5. S. 282–295.

13. Gruzinov I.I. Rol' i mesto tradicionnoj kitajskoj ideologii v koncepcii «Kitajskoj mechty» // Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae. 2017. № 1. S. 565–574.

14. Lychagin A.I., Semenov I.A. K voprosu ob uchrezhdenii gosudarstvennoj nagradnoj sistemy Kitajskoj Narodnoj Respubliki // Modern oriental studies. 2022. № 4. S. 58–67.

15. Kozlihin I.Yu. Kitajskaya pravovaya tradiciya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. 2016. № 3. S. 4–13.

16. Troshchinskij P.V. Vliyanie tradicii na pravo sovremennogo Kitaya // Zhurnal rossijskogo prava. 2014. № 8. S. 94–106.

17. Didenko Yu.N., Merzlyakov S.E. Pravovaya sistema Kitajskoj Narodnoj Respubliki // Zakon i pravo. 2019. № 7. S. 89–93.

18. Van Vej. Nekotorye voprosy social'no-politicheskogo kursa «kitajskaya mechta o velikom vozrozhdenii kitajskoj nacii» // Vlast'. 2018. № 7. S. 237–243.

19. Suhadol'skaya L.L. Brend s kitajskoj specifikoj kak novaya sila razvitiya ekonomiki KNR // Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae. 2018. № 1. S. 332–339.

20. Anohina E.S. Kitajskie diaspory i «Novaya» kitajskaya migraciya v stranah Yugo-Vostochnoj Azii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 361. S. 62–65.

21. Vinogradov A.V. Vnutripoliticheskie vyzovy Kitayu v nachale XXI veka // Sravnitel'naya politika. 2017. № 3. S. 131–144.

Статья поступила в редакцию 11.03.2025; одобрена после рецензирования 21.07.2025; принята к публикации 22.07.2025.
The article was submitted 11.03.2025; approved after reviewing 21.07.2025; accepted for publication 22.07.2025.

Информация об авторах
О.В. Фролова – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной орденов Жукова и Ленина Краснознаменной академии связи имени Маршала Советского Союза С.М. Буденного (Россия, 194064, г. Санкт-Петербург, Тихорецкий пр., 3);
В.В. Фролов – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургской академии Следственного комитета (Россия, 190000, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 96).

Information about the authors
O.V. Frolova – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Military Orders of Zhukov and Lenin of the Red Banner Academy of Communications named after Marshal of the Soviet Union S.M. Budyonny (Russia, 194064, St. Petersburg, Tikhoretsky ave., 3);
V.V. Frolov – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Public Law Disciplines of the SK RF SPb Academy (Russia, 190000, St. Petersburg, nab. r. Moiki, 96).